

РАННЕИРЛАНДСКОЕ ОБЩЕСТВО И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В ЗАКОНАХ

Общезвестно, что среди европейских государств судьба Ирландии представляет совершенно особую. Для индоевропейистики ирландский материал наряду с индийским сохранил очень архаические слои в языке и мифологии, которые еще далеко не полностью оценены¹. Однако и внутри собственно кельтской общности Ирландия стоит особняком. Ее население представляет собой более или менее устойчивый синтез этнических волн, проникавших в Ирландию с континента в течение длительного времени. Но после завершения эпохи переселений Ирландия вступила в период относительно замкнутого развития, длившийся много веков (до нашествия викингов в конце IX в.). Римское завоевание большей части кельтских областей не затронуло Ирландии, а христианство (оно пришло в Ирландию в V в.), сразу принявшее здесь весьма своеобразные формы, оказалось не в состоянии изменить традиционные структуры социальной и культурной жизни. Именно ему мы обязаны возникновением в Ирландии крайне разветвленной письменной традиции, не только одной из наиболее обширных в средневековой Европе, но и отразившей многое из того, что у других народов было достоянием лишь устных преданий и обучения.

В области социальной жизни одним из таких ценнейших источников являются памятники права. Изучены они еще далеко не достаточно. Лишь в сравнительно недавнее время, основываясь на научном филологическом анализе текстов, удалось преодолеть немало заблуждений, происходивших частично от неверного толкования текстов, частично от облегчавшейся этим возможности переноса на древнеирландское общество представлений, сформировавшихся при контактах с социальной системой Шотландии нового времени. Возникшая в результате таких сопоставлений известная «клавовая теория» (конец XIX — начало XX в.), одним из крупнейших представителей которой был Генри Мейн, несет на себе немало отпечатков подобного метода. Перелом в исследованиях текстов законов связан с работами Турнайзена, Мак-Нейллы, Бинчи и других ученых, опубликовавших одни из первых критических изданий памятников и научно обосновавших их интерпретацию.

О разнообразии содержания законов и трудности их толкования может дать представление одна архаическая поэма юридического содержания², из которой мы приведем длинные отрывки.

Если ты король, то ты должен знать
прерогативы правителя,
еду согласно рангу,
прения заложников,
ссоры в пивной,
договоры, заключенные в опьянении,
оценку земель,
измерение шестью,
меру наказания,¹
случаи воровства плодов деревьев,
великое содержание закона о земле:
разметку (новых) границ,
установку столбов,
закон о местах (столбов),
раздел между сонаследниками,
вызов соседей,
спорные каменные столбы.

.....

¹ E. Benveniste, *Vocabulaire des institutions indo européennes*, P., 1970.

² «Celtica», IX, 1971.

Степень защиты;
 право (fine)³ до шестого поколения
 в движимом имуществе и земле.
 Действителен ли каждый закон о соседстве,
 заключенный с заложниками (и)
 обеспеченный fines (состоящими) из мешков.
 Большим или меньшим
 является размер штрафа.
 Штраф за пролом (пограничной ограды):
 от бычка до телки,
 (от нее) до годовалого животного,
 до пяти seoit⁴ он простирается.
 Каковы наиболее тяжкие (случаи)
 порубки деревьев,
 за которые неразумные штрафуются?
 Хозяев леса,
 овитый плющем орешник.
 Опасность, от которой нет спасения —
 это наказание за (падение) благородного священного дерева.
 . . . . .
 Тайное проникновение, тайное вторжение,
 движение вперед и назад.

Далее упоминаются случаи пересечения границ различными животными, вплоть до пчел. Поэма, видимо, обрывается незаконченной, так как замечание писца в конце текста гласит: «Больше я ничего не нашел из этого». И действительно, здесь не отражены многие другие законы, в частности о статусах населения племени.

Многочисленные неясности в тексте и трудности его понимания как в данной поэме, так и в других источниках чрезвычайно осложняют исследование древнеирландских законов. В ирландистике, пожалуй, особенно ощущается зависимость культурно-исторического исследования от уровня развития лингвистики и филологии. Многочисленные трудности лингвистического, филологического и исторического порядка и теперь препятствуют пониманию источников. В середине же прошлого века, когда О'Доннван и О'Керри приступили к подготовке первого обширного издания ирландских законов, основы кельтского языкознания только еще закладывались. В 1853 г. появилась знаменитая «Grammatica Celtica» Цейсса, а ее влияние стало чувствоваться еще позднее. Д. А. Бинчи подверг критике много томное издание «Древних законов Ирландии»⁵, содержавшее массу ошибок, непонимания текста, смешения текста, глосс и комментариев, неверных датировок и т. д. Сейчас благодаря исследованиям Турнайзена, Бинчи и других ученых мы располагаем гораздо более совершенными изданиями отдельных текстов.

Специфика ирландских законов, как и многих других памятников, сохранившихся лишь в поздних рукописях, предопределила тот аспект анализа, который можно назвать аспектом атрибуции. Известно, что поздние переписчики зачастую не понимали текста и вносили в него бесчисленные изменения, иногда вызванные стремлением приблизить текст к знакомым формам. Тексты изобилуют поздними вставками и искажениями, так что в каждом из них можно наблюдать ряд языковых уровней. Приходится выявлять наслоения того периода, когда законы привлекали внимание лишь комментаторов и глоссаторов, и времени их кодификации, когда от рукописи к рукописи в тексте могли производиться существенные изменения. Глоссаторы же, частично по тем же причинам, что и писцы, были одержимы стремлением объединять и разбивать

³ Fine — большая семья. Fines — древнеирландская единица стоимости.

⁴ Объект собственности, единица стоимости.

⁵ D. A. Binchy, The Linguistic and Historical Value of the Irish Law-tracts, L., 1943, стр. 5.

слова, давая им затем совершенно невероятные объяснения. Если прибавить к этому изначальную запутанность, намеренные затемнения, свойственные языку судей-брегонов, то нетрудно понять, почему в «Ancient Laws of Ireland»⁶ комментарии более позднего времени нередко попадали в основной текст, а текст — в комментарии, более поздние части выдавались за более ранние и т. д. Все это приводило к тому, что древнеирландские памятники переносились в чуждый им исторический контекст, что порождало массу ошибочных теорий. Даже такой специалист, как У. Стокс, отнес крупнейший памятник законодательства «Senchas Már» к XI в., т. е. самое меньшее на три века приблизил к нам его создание. На основе современных знаний в области лингвистики и текстологии удалось установить, что практически все известные нам памятники этого рода уже к середине VIII в. выступают в законченном виде. Многие из них относятся к предшествующему столетию.

Очевидно, с конца VI в. начался широкий процесс записи законов в разных областях Ирландии, бытовавших до того в виде устных преданий и афоризмов в прозаической или поэтической форме. Ранние законы, записанные ритмизированной прозой с аллитерациями, несут на себе печать времени и среды, в которой они бытовали в устной форме среди поэтов — филидов и профессионального корпуса юристов — судей-брегонов. Нередко в тексте законов стихи преобладают над прозой. Быть может, еще более древними были встречающиеся в законах правила в форме изречений (roscada). Из них состоял один из наиболее ранних законодательных памятников — «Duil Roscadasch» — «Книга Афоризмов», часто цитировавшийся поздними юристами. Много споров вызывает проблема единства законодательных памятников по отношению к общеирландской традиции и адекватности отражения ими современной социальной практики. В решении первой части этой проблемы существенное значение имеет дальнейшее исследование такого законодательного памятника древней Ирландии, как «Senchas Már». В позднее время глоссаторы и комментаторы обращались преимущественно к этому документу, пренебрегая другими сборниками и трактатами. Изучение «Senchas Már» заняло первое место в общеирландском масштабе и происходило в основных юридических школах древней Ирландии. Сам памятник рассматривался как унифицированное законодательство древней Ирландии. Однако вряд ли можно утверждать, что в Ирландии столь раннего времени существовали политические и социальные предпосылки для действительной унификации законодательства в общенациональном масштабе. Этот памятник необходимо рассматривать в историческом контексте VIII в. Начиная с этого времени отчетливо заметна тенденция к составлению развернутых компиляций по истории, литературе и генеалогии. Составители компиляций стремились реконструировать историю страны в дохристианские времена. Одной из таких компиляций является знаменитая «Lebor Gabala» (XI в.) — «Книга Захватов Ирландии». В ней проявилось стремление унифицировать историю страны, затушевывая в то время еще очевидные различия между этническими слоями населения, что привело к значительному отдалению времени прихода гойделов в Ирландию и включению в их число ряда чужих племен⁷. Ряд племен был представлен как остатки предшествующих обитателей Ирландии, приход которых был отодвинут еще дальше во времени. В VIII в. появляется ряд генеалогий, возводивших крупные роды к знаменитому Милу — легендарному первопредку. Многие мифологические персонажи наделялись историческим существованием, дробились на отдельные личности и претерпевали прочие подобные изменения. Этот процесс хорошо прослеживается и в литературе, где ему способствовала нивелировка языка в пределах Ирландии и постепенное угасание более ранних кельтских диалектов.

Нечто схожее мы наблюдаем и в законодательных памятниках. В действительности же на протяжении всей истории независимой и в то же время достаточно прочно изолированной от внешнего мира Ирландии политической реальностью оставались многочисленные отдельные объединения, связи между которыми носили весьма сложный,

⁶ См. там же, стр. 9.

⁷ T. O'Rahilly, *Early Irish History and Mythology*, Dublin, 1946, стр. 194.

неустойчивый характер. В области социальных отношений ирландское общество сохранило многие архаические черты, причем здесь они изживались гораздо медленнее, чем в соседних кельтских областях. Примером может служить Уэльс, хотя и постепенно, но впитавший отдельные элементы римской, а затем англо-саксонской социальной практики, что отразилось в его соответствующих законодательных памятниках⁸.

Однако существование раздробленных объединений еще не свидетельствует о раздробленности традиции. Носители ее — филиды, скорее не поэты, а провидцы, находились вне норм межплеменных отношений и представляли собой общерландский институт; то же можно сказать и о корпусе юристов-брегонов. Большинство трактатов законодательного характера поражают стройностью и систематичностью, с которой в них представлена картина ирландского общества. В рамках туата (*túath*, обычный перевод этого термина как племя вызывает ряд оговорок) все население племени поделено на строго разграниченные разряды, связанные между собой сложными обязательствами, причем нередко такими, которые с первого взгляда обнаруживают свою реальную неприменимость. Заметна тенденция распространения норм, бывших в ходу среди одних, определенных групп или разрядов населения, на все остальные. Так, например, в типичном с этой точки зрения одном из архаических трактатов «Gríth Gablach»⁹ при разборе условий клиентного состояния в пределах туата детально прорисованы возможности такого состояния и для короля. Ряд исследователей объяснял это якобы изначально свойственным ирландским юридическим установлениям стремлением к теоретизму и идеализации. Это положение может быть объяснено исходя из общего характера правовых норм того времени. В условиях полного отсутствия публичного судопроизводства, в частности со стороны королевской власти, при господстве традиционного мировоззрения, до поры не нуждавшегося в кодификации, нормы правильного поведения определялись как бы совпадением «точки зрения» субъекта с его «точкой поведения». Причем кажущаяся сложность такого положения в действительности легко преодолевалась. В период кодификации законов, или вернее того, что впоследствии стало законом, эта система претерпевает значительные изменения, порождая «схематичность», как стремление учесть все возможные продолжения фиксируемых норм и связей. Эти особенности законодательных памятников древней Ирландии приходится иметь в виду при исследовании древнеирландского общества. Достоверность свидетельств частично может быть установлена также при обращении к литературным и историческим памятникам, которыми столь богат этот период ирландской истории.

В сохранении памятников древнеирландской традиции большое значение имело христианство. Пятый век открыл эру письменности в Ирландии, где до этого не существовало фиксации разнообразных форм культурной традиции. С этого времени открылась возможность для взаимовлияний между христианством и многовековой местной культурой. Об этом нужно сказать несколько подробнее, чтобы понять, каким образом памятники древнеирландской культуры просуществовали много веков в христианизированном окружении и дошли до нас в рукописях XV—XVI вв. по существу без серьезных искажений. V в. — это время проникновения христианства в страну, а VI в. — расцвета в Ирландии монастырей и монашества. Монастыри в Дарроу, Дерри, Ионе, Клонарде, Клонмакноше, Клонферте и знаменитый центр в Арме, связанный непосредственно с личностью Патрика, возникли за сравнительно короткое время. В Ирландии, где не было никаких поселений городского типа, монастырь приобретал особое значение. Здесь не произошло типичного для Европы удвоения церковной организации, где монастыри и их настоятели существовали рядом с епископствами и епископами. Последних в Ирландии просто не существовало; число глав монастырей, объединявших в своем лице эти две функции, постепенно уменьшалась¹⁰. Монастыри, основан-

⁸ В и п с h y, ук. соч., стр. 11.

⁹ Он дошел до нас в рукописях, с некоторыми отклонениями датированных 1510 и 1540 годами. Тем не менее, датировка текста концом VII — началом VIII в. не вызывает сомнений.

¹⁰ J. R y a n, The Early Irish Church and the See of Peter, Medieval Studies presented to A. Gwynn, 1961.

ные одним и тем же лицом, стремились сохранить между собой связь независимо от места расположения и избирать настоятелей из рода основателя монастыря. Это подчас было причиной узурпаций руководства монастырем со стороны представителей местных правящих династий¹¹. Монастыри быстро стали центрами образования и культуры, но рядом с ними продолжали существовать школы и объединения филидов и брегонов, сохранявшие свою полную независимость. Люди этой среды, *aes dana*, имели огромный авторитет в народе и были столь же прочно связаны между собой, как и представители монашества. Обе среды были центрами обучения, однако не конкурировавшими между собой. Более того, местные многовековые традиции не оставались чуждыми и монашеству — филиды часто проникали в монастыри и монахи любили проводить время за выслушиванием историй о героическом прошлом и героях-язычниках. Церковное образование могли получать многие люди, не принадлежавшие к церковной организации и приверженные местной традиции. Один из ранних законодательных трактатов так описывает это: «И в этом месте было три школы: школа латинского обучения, ирландская юридическая школа и школа ирландской поэзии. И все, что он слышал каждый день из обучения в этих трех школах, он выучивал наизусть ночью. И он снабдил эти материалы образцами поэзии... и записал их в книгу»¹².

Этот процесс взаимопроникновения заметен и в области законодательства. К моменту оформления основных сборников законов большинство юридических школ было христианизировано. Однако отсутствие напряженности в отношениях между монастырями и брегонами и филидами, а также невозможность для церкви опереться на какую-либо центральную власть в борьбе за влияние предопределили отсутствие серьезных искажений в существе законов. В законах лишь отразилось стремление согласовать элементы структуры общества с церковной иерархией. Отсюда часто встречающееся семеричное деление (впрочем, имеющее и более древние корни) разрядов населения и окружающей природы. Представители церкви получили место среди благородных разрядов традиционной структуры туата. Второй параграф трактата «*Críth Gablach*» начинается так: «Как поделены разряды племени? По сравнению с разрядами церкви»¹³. Однако дело ограничивалось такими сравнительно внешними заимствованиями.

Памятники ирландского права обнаруживают значительное сходство с валлийскими законами, несмотря на очевидные различия. Одной из черт несходства является тенденция валлийского права выделять роль государства в его примитивной форме, роль королевской власти и публичного обеспечения правовых норм. Валлийские законы, также возникшие как запись обычаев и прецедентов, были в гораздо большей степени обязаны своим оформлением королевской власти, сравнительно более развитой, нежели ирландская. Первым такого рода сборником был кодекс, составленный в X в. по инициативе правителя *Huwel Dda*. Он послужил образцом для подобных сборников в других частях Уэльса — Диведе, Гвенте и др.

Мы должны указать также и на то, и это самое главное, что исследователям удалось убедительно обосновать принципиальную общность древнеирландского законодательства и породивших его социальных условий с образом жизни кельтских народов более раннего периода, в частности населения независимой и ранней римской Галлии. Сравнение описания Галлии и реалий ирландской литературы, лингвистический и археологический материал подтверждают эту общность¹⁴. Положение значительно упростилось бы, если бы можно было рассматривать Ирландию как некое окно в темное прошлое других кельтских областей. Но это не так. Специфика природных условий Ирландии и ее исторической судьбы во многом повлияла на ее экономику и общественную жизнь, предопределив значительное отличие кельтского общества Ирландии

¹¹ «*Course of Irish History*», ed. by T. W. Moody and F. X. Martin, Cork, 1967, стр. 68.

¹² *Ancient Laws of Ireland*, III, стр. 88.

¹³ *Críth Gablach*, ed. by D. A. Binchy, Dublin, 1970.

¹⁴ K. H. Jackson, «*The Oldest Irish Tradition: a Window on the Iron Age*», Camb., 1964.

от Галлии. Справедливо ли называть эти отличия аномалиями, трудно поддающимися учету, как это делает Ж. Арман¹⁵, мы увидим в дальнейшем. Однако они несомненны и мы постараемся их проследить на примере некоторых черт социального строя, не всегда, правда, имея достаточно надежный материал для сравнения.

Прежде всего различны свидетельства самих законов. Например, различным статусам населения племени посвящен ряд трактатов, как вошедших в «*Senchas Már*», так и существовавших отдельно. Это «*Crith Gablach*» и специально посвященный низшим зависимым слоям населения трактат «*Fuidir*»¹⁶. Но племени как таковому в законах не посвящено ни одного связного отрывка. Значение этого понятия можно высказать по некоторым разрозненным употреблением его в различных ситуациях. К слову сказать, против перевода термина туат как «племя» высказывался ряд ученых, и среди них такой знаток Ирландии как Мак Нейлл. Лишь за пепением лучшего не отказывается от этого термина Бинчи. Действительно, в древней Ирландии в этом понятии присутствовали такие оттенки, которые не передаются в переводе этого слова как племя. Туат в Ирландии был основным политическим и социальным организмом для страны в целом. В нем объединялись понятия территории и ее населения, «своего народа» и вообще всего «внутреннего», организованного, в противоположность внешнему. Понятие кровного родства в принципе присутствовало, но скорее в соотношении с легендарным прошлым. В законах совершенно нет случаев сопоставления термина туат с отношениями собственности, кроме, естественно, имплицитного смысла, что только в пределах туата она и возможна. Вообще всякая организованность и упорядоченность возможна только в его границах. Туаты отличались территориальной устойчивостью, которую можно противопоставить меньшей стабильности галльского племени. Расположение многих из них может быть прослежено по современным баронствам.

Личность короля — *rí* является как бы воплощением этой упорядоченности и несомненно даже во времена составления сборников законов имеет отчетливое религиозное значение. Оно отражено в различных по жанру памятниках литературной традиции. Личность короля (заметим, что это не очень удачная замена слову *rí*, обозначающего скорее небольшого правителя туата) окружена многочисленными табу (*geis*); его связь с территорией своего племени воспринималась как брачная. В одном архаическом тексте¹⁷ приводится напутствие мифического судьи королю Феродоху, где подробно перечисляются благоприятные последствия соблюдения королем *fir flathemon* — «правды короля» и бедствия для него и его народа при *gau flathemon* — «неправде короля». В этической традиции отражение этих представлений мы находим в саге «Разрушение Дома Да Дерга»¹⁸, явно содержащей многие элементы мифологических представлений.

Королевскую власть подробно характеризуют и законы. Небольшой § 39 «*Crith Gablach*» описывает правильное поведение короля по отношению к народу. Король не должен прибегать к жестокости, неоправданно пользоваться своей властью, он обязан быть совершенно беспристрастным, посредничать между сильными и слабыми. Добродетельный правитель прибегает к помощи и совету знающих, образованных людей и олицетворяет собой терпение.

Каково же было положение короля в обществе? Он занимал верхнюю ступень общественной лестницы в *túath* и мог иметь в подчинении несколько других племен. В первом случае он назывался *rí túathe* (§ 31), во втором — *rúiri* (§ 32). Существовали и правители так называемых «пятей частей (Ирландии)», т. е. пяти провинций. Однако непосредственное управление король осуществлял только на территории своего племени, ограничиваясь сбором податей с подвластных ему племен. Вопрос о категориях зависимости еще не совсем ясен, так как отношения взаимоподчинения были связаны с этнической принадлежностью групп населения, имевших неодинаковый правовой статус, а также с отношениями родства. Существует специальный трактат, посвященный

¹⁵ J. H a r m a n d. «Les Celtes», P., 1970, стр. 47—51.

¹⁶ См. R. T h a r n e y s e n, Die Bürgerschaft im irischen Recht, I, 1928.

¹⁷ См. ЗСР, XI, стр. 56—106.

¹⁸ Togail Bruidne Da Derga ed. by E. K n o t t, Dublin, 1963.

различным объединениям¹⁹. Тенденция к унификации истории и традиций страны, проявившаяся приблизительно в одно время с оформлением законов, подчас заставляла включать в число гойделов чуждые им этнические группы для подтверждения их древнего происхождения и заселения острова. В этом случае племена автоматически переходили в разряд не платящих дань и их отношения с другими объединениями строились на иной основе.

Будучи первым человеком в племени, король имел и наибольшую «цену чести». Так обозначалась в ирландском праве основная социальная характеристика каждого свободного человека. «Цена чести» зависит от статуса и определяет, во-первых, размер компенсации за любое совершенное против человека преступление, и, во-вторых, является мерой возможности его участия в юридических актах — быть обеспечителем договоров, совершать торжественную клятву и т. д. «Цена чести» варьировалась от телки до семи кумалов, в первоначальном смысле семи женщин-рабынь, а затем семи высших единиц стоимости. На крайних полюсах общественной организации находились *fer midboth* (молодой человек, обычно простого происхождения, который уже вернулся от своих приемных родителей на землю отца, но не достиг еще совершеннолетия и не имеет самостоятельной собственности) и король племени. Правда *tuig* и правители «пятых частей» имели еще более значительную «цену чести». Семь кумалов объяснялись по соответствию с семью благородными статусами (§ 31).

Законы точно оговаривают нормы, определявшие жизнь каждого ирландца. Мы рассмотрим лишь положение короля по отношению к племени в его мирной и военной деятельности в связи с его правами и функциями. В текстах часты противопоставления *gi* — *túath*. Более частный случай противопоставления — взаимоотношения короля и народного собрания — *óenach*. Обычно оно собиралось через регулярные интервалы, но король имел право собирать его по специальным случаям. Параграф 36 «*Críth Gablach*» гласит: «Три прерогативы короля по отношению к племени: *oenach* и собрание для контроля (исправления) и подведение войска к границе». Отношения короля и народного собрания описаны в законах через имевшую всеобъемлющее распространение в Ирландии систему залогов. По мнению Бинчи²⁰ король брал залог от представителей племени, гарантирующий соблюдение королем своего долга в отношении ряда общеплеменных предприятий. Каковы же они? Тот же § 36 «*Críth Gablach*» упоминает следующее: «Вопрос: сколько существует прав короля по отношению к племени? Три. Каковы же они? Обязательство войска, обязательство специальных постановлений и обязательство союза, так как это дела всего племени». Обязательств в отношении созыва войска в свою очередь три — в случае изгания врага со своей территории, подведения войска к границам племени при приближении врага («чтобы король мог иметь либо битву, либо договор») и в случае карательных экспедиций против отколовшегося племени.

В этом месте закона мы встречаемся с вопросом о публичной юрисдикции короля. Одно из его прав предстает как *rechtge*. Ими были единственно возможные для короля временные постановления по общеплеменным вопросам. Параграф 38 перечисляет постановления в связи с *fechesas* (старинная традиция, освященная преданием — основа всего права), которую король может однако только «поддерживать, укреплять», а племя «принимать», «подтверждать» специальные приказы в таких случаях как эпидемии, поражения в битве и т. д. Упоминается также случай участия короля, вследствие постановления племени, в сборе и заготовке продовольственных запасов. В разделе трактата, дающем «расписание» жизни короля на все дни недели (питье пива, охота, супружеский долг, скачки на лошадях) два дня отведены на судебные функции. Можно думать, что один из дней отводился на участие короля в делах, касающихся его как представителя определенного рода, а второй — на участие в решении общеплеменных и межплеменных вопросов. Вообще, деятельность короля отчетливо делилась на пуб-

¹⁹ E. Mac Neill, «Phases of Irish History», 1968, стр. 349.

²⁰ См. *Críth Gablach*, стр. 95.

личную и частную. От ее характера зависели и привилегии короля — величина его свиты и ряд других.

Сравнивая ирландские данные со сведениями о королевской власти в Галлии, мы видим, что там, где она еще сохранилась, характер ее был несколько иным. О галльской королевской власти до периода Ла Тен II мы не знаем вообще ничего, а ко времени Ла Тен III она практически исчезает. Однако описания Иосифина и Тита Ливия²¹, рисующие портреты короля арвернов Луерна и его сына Битуита, наводят на мысль о предприимчивых и воинственных представителях знати, прямо противоположных по типу ирландским королям. Отрывочные данные, которые мы имеем из других частей кельтского мира²², подтверждают эту противоположность. Для ее объяснения необходимо помнить о том, что итало-кельтский и индийский материал вообще сохраняют наиболее архаические характеристики королевской власти из всех индоевропейских народов. В Ирландии кроме того продолжали существовать многие традиции, исчезнувшие у других кельтских народов. Конечно, не соответствуя реконструируемой фигуре индоевропейского гех, ирландский гí приближается к данному Э. Бенвенистом определению: «Индоевропейский гех в гораздо большей степени фигура религиозная, чем политическая. Его миссия скорее не управлять и властвовать, а определять правила, то, что в прямом смысле является «правом». Таким образом гех скорее ближе к жрецу, чем к властелину. Именно этот характер королевской власти сохранили, с одной стороны, италийцы и кельты, с другой — индийцы»²³. Непосредственные причины более радикальной эволюции этого института у континентальных кельтов не могут быть рассмотрены в рамках данной работы, но тем не менее не подлежит сомнению, что облик ирландского гí имел свое соответствие и здесь, однако в период, от которого мы не имеем подробных источников. Тем более существенное значение имеет исследование ирландского материала в сравнении с более поздним из Галлии.

Основной социальной единицей внутри племени была fine или большая семья. Исторические формы этого института менялись и это отражено внутри различных хронологических уровней одних и тех же текстов. Эти формы могли сосуществовать, имея, однако, далеко не равное значение в жизни племени. Сразу стоит сказать, что данные об ирландской семье незаменимы для истории кельтов, так как о ней практически не содержится никаких сведений в доступных нам источниках по истории Галлии, хотя существование большой семьи в Галлии отразилось в форме лингвистического соответствия ирландского fine галльскому *cepi-*. В широком смысле слова fine служит для обозначения всех родственников-агнатов до шестого поколения. Однако в практической жизни, очевидно, fine имела другое значение, что отражается в законах. Здесь этот термин чаще всего обозначает круг родственников, включающий всех потомков-агнатов общего прадедушки. В отличие от fine он именуется *derbfine*. Будучи основной единицей ирландского общества, fine совместно владела землей и выступала как единое целое по всем юридическим вопросам. В качестве посредника между различными fine и королевской властью или частными лицами от ее лица действовал так называемый *aige coisring* (*aige* — свободный человек, имеющий независимый юридический статус; *coisring* от *con-srenga* — «связывание», «обязательство», ср. лат. *con-trahit*). «*Aige coisring*, почему так называется? Потому что связывает племя и короля и церковь со своим родом... Есть он *aige fine* (который) дает залог королю, церковным властям и людям ремесла — поэтам от имени своего рода для принуждения их к соблюдению правил»²⁴.

Земля, которой коллективно владела fine, получила название *fintiu*. Важнейший вопрос о соотношении такого типа собственности с более широкой коллективной собственностью на континенте²⁵ может быть решен лишь при тщательном анализе

²¹ J. F. Kenney, Sources for the Early History of Ireland, N. Y., 1966, стр. 110.

²² Harmand, ук. соч., стр. 49.

²³ Benveniste, ук. соч., II, стр. 15.

²⁴ Críth Gablach, стр. 20.

²⁵ Harmand, ук. соч., стр. 57.

законов, в частности, так называемых «законов о соседстве». Каждый свободный ирландец владел частью земли своей фине, которая была основой определения его юридического статуса и «цены чести». Рассмотрим, к примеру, представителя одного из разрядов свободных, называвшегося боaire — «свободным коровы». Многие пытались объяснить этот термин, исходя из представления об исчислении его статуса на основании находившегося в его пользовании скота. Однако, как отмечает Бинчи, это маловероятно — такой принцип вообще не имел особенно широкого распространения в частности в «Críth Gablach». Более вероятно объяснение, предложенное Турнайзеном, который полагал, что корова представляла собой размер его ежегодной ренты. Боaire, видимо, одно из древнейших, а может быть и единственное обозначение для свободных в ранних источниках. «Críth Gablach» фиксирует остальные разряды свободных как подразделения боaire. Особое внимание, которое в законах уделяется mruigfer, позволяет думать, что «человек земли» со временем стал типичным представителем свободных слоев. Действительно, хотя при объяснении имени боaire составитель сборника «Críth Gablach» говорит, что его «цена чести» исчислялась из количества скота, в следующей фразе он приводит размер его земельной собственности, равной четырнадцати кумалам. Mruigfer же обладает землей на двадцать один кумал. Заметим, что хотя в ирландском обществе тщательно различалось благородное и простое происхождение, переход в другие разряды был возможен. Законы рассматривают случаи превышения нормы собственности настолько, что человек оказывался в высшем разряде. Нередким было, очевидно, и перемещение вниз по социальной лестнице, и тогда человек пополнял собой разряд несвободного или, вернее, полусвободного населения, представителей которого описывает интереснейший трактат «Fuidir», изданный Турнайзеном.

Рядом с многочисленными разрядами свободного населения, представители которых в той или иной мере участвуют в общественной жизни и юридических процедурах, мы находим группы полусвободного населения, статус представителей которого не является независимым. Слово fuidir, где dir обозначает «приверженец», «сторонник», «принадлежащий» или «родственник» применяется к людям, которые «не полностью» являются всем этим, т. е. не по крови. Фуидири делились на семь классов, которые перечисляет § 7 закона в трактате «Fuidir». Мы приведем его целиком. «Согласно fene есть семь фуидиров. Первый — фуидирь, которого изгнали из клана его отца (от его отцов). Второй — фуидирь, который отделился от своего фине (каждый фуидирь имеет равные права на свободу, за исключением трех фуидирей, которые являются самыми несвободными — фуидиря виселицы, фуидиря смертоубийства, фуидиря ямы). Третий — целый фуидирь. Четвертый — свободный фуидирь. Пятый — фуидирь преступления из моря. Шестой — фуидирь на основе избрания set, т. е. скота. Седьмой — фуидирь земли»²⁶.

Согласно общей индоевропейской традиции, где понятие несвободного человека всегда включало в себя оттенок непринадлежности к определенным социальным группам, перечисленные случаи тоже касаются людей, выпавших из традиционных коллективов в результате изгнания, преступления или по материальным причинам. Оттенки несвободы были весьма различны, но это всегда была личная несвобода, в противоположность включенной, коллективной свободе²⁷. Наиболее несвободный фуидирь, описанный в параграфе 1, практически полностью лишен обязательств, типичных для свободного человека — он не платит ни за «преступления своего сына, ни за своего внука, ни за своего правнука, ни за своего праправнука, ни за своих других ближайших родственников по фине, ни за свое собственное преступление». Его господин платит во всех перечисленных случаях и получает соответственные штрафы, а также наследство, причитающееся такому фуидирию. Он поддерживает также и его детей. Однако сам фуидирь может иметь свое имущество, видимо, весьма небольшое. Если фуидирь имеет «пять домов», т. е., очевидно, комплекс жилищ и хозяйственных построек, то

²⁶ Толкование многих из этих выражений остается до сих пор неясным.

²⁷ В е n e n i s t e, ук. соч., стр. 321.

зависимость становится гораздо менее полной. В этом случае «он способен платить за свое преступление и питать своего господина. Ему принадлежит *dire* (определенный объем выплаты, чаще всего совпадающий с «ценой чести». — *C. III.*) за свой собственный *set* кроме 1/3, причитающейся господину». «Цена чести» у всякого *фундирия* кроме несвободного, установлена в половину его имущества, вторая же половина идет господину. Положение *фундирев* нельзя смешивать с положением клиентов — *cèle*. Этот институт, чрезвычайно распространенный во всем кельтском мире, в частности определенно засвидетельствованный Полибием и Цезарем для Галлии, представлял собой такую форму зависимости, которая не влекла за собой окончательную потерю экономических и социальных основ статуса индивида.

Объем этой работы не позволяет нам остановиться на ряде других существенных форм участия человека в социальной жизни коллектива. Уже отмеченная система клиентных отношений, а также очень развитая практика залогов и поручительства, частично заменявшая аппарат публичной юрисдикции²³, могут быть лишь упомянуты. Подробная характеристика ирландского права и не входила в нашу задачу. Мы хотели лишь подчеркнуть огромную важность изучения законов для понимания общественных условий, господствовавших на значительной части Западной Европы в период, предшествовавший и непосредственно следовавший за римским завоеванием.

В заключение попытаемся кратко определить основные направления сравнительного анализа. Несмотря на кажущуюся застойность, кельтская цивилизация Ирландии дает достаточно динамичную картину социальных структур, позволяющую осветить многие неясные стороны культуры доримской Галлии. Чрезвычайную пользу для исследований в этом направлении принес бы анализ проблем собственности и общинного устройства. Возможность построения модели для такого анализа может дать изучение замкнутого устройства ирландского племени. Тексты так называемых «Законов о соседстве» позволяют рассмотреть элементы общинного устройства в Ирландии и сравнить их с данными источников по истории Галлии. Сопоставляя развитие союзов племен в Галлии и известных нам данных археологических раскопок поселений доримского времени с ирландским материалом, можно полнее представить себе роль римского влияния и тенденции развития государственности среди самих кельтов. Богатейшая и уникальная внутри кельтской культуры литературная традиция предоставляет возможность увидеть тот широкий внешнеэкономический контекст, без которого остается не вполне понятой любая экономическая категория.

С. В. Шкунаев

²³ См. *Indo-European and Indo-Europeans*, ed. by G. Cardona etc. Philadelphia, 1970; D. A. B i n c h y *Celtic Suretyship, a Fossilized indo-european institution*, стр. 355—369.

EARLY IRISH SOCIETY AND ITS REFLECTION IN LAW

by S. V. Shkunaev

The article represents the first attempt in Soviet historiography to examine a large complex of Irish law documents in the social context in which the law functioned. This fact is largely responsible for the author's approach to the subject. His first task was to characterise the historical factors which are causally connected with, on the one hand, the profoundly archaic quality of these documents and their undoubted value as material for comparative historical research both on the Indo-European plane and in respect to the Celtic world itself and, on the other hand, with the qualities peculiar to this body of texts, explaining the need to work out specific forms for their analysis. The author attempts to clarify several questions relating both to source-study problems and to the analysis of Irish law documents as a special and highly significant body of evidence on the transition from the archaic mental outlook to historical forms of thought. He pins down the structural specifics of the Irish *tuath* and the forms of their interrelations and also examines the structure of Irish society as exemplified by status gradations in the tribe. The present study is a preliminary definition of certain essential problems which are of considerable importance as road-posts for further research along the same lines.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОБЫДИ